

Линь Юй и понятия не имел, что произошло у него за спиной. Домой он возвращаться не стал — вместо этого они с Линь Фанем сели на пригородный автобус и поехали в свою маленькую закусочную.

Прежде в районе Хунци общественного транспорта не водилось: до самого города Хунъян ходил лишь единственный в день автобус. Но стоило достроить порт, как городские власти выделили сразу пять регулярных маршрутов, чтобы связать причалы, заводские кварталы и жилые дома в одну сеть.

Братья сели на «единицу». Этот маршрут начинался у порта, огибал городские окраины и завершал путь в промышленной зоне. Большая часть дороги бежала вдоль побережья, открывая взгляду чудесный морской пейзаж.

Время стояло предвечернее — час пик, когда рабочие возвращались со смен, а школьники с уроков. Салон забился до отказа. Одна молоденькая девушка, заметив, что маленький Линь Фань едва держится на ногах от дорожной тряски, уступила ему место. Мальчик послушно пролепетал: «Спасибо, старшая сестра!» — а Линь Юй вежливо добавил слова благодарности от себя. Девушка бросила на него пару робких взглядов и густо покраснела.

Заметив это, Линь Юй мягко и признательно улыбнулся. Смутившись окончательно, незнакомка тут же отвернулась, залившись краской до самых кончиков ушей, но удержаться от того, чтобы украдкой не взглянуть на него снова, так и не смогла. Линь Юй, однако, отвел глаза. Привлекательное бледное лицо юноши лишилось эмоций, и всю оставшуюся дорогу он старательно смотрел перед собой.

Он знал, что не сможет подарить счастье обычной девушке, а потому не хотел давать ложных надежд.

Когда они сошли у закусочной, Линь Юй заметил, что в соседней новенькой бытовке из сэндвич-панелей вовсю горит свет. Сквозь мутные окна мелькали неясные силуэты — похоже, отделка подходила к концу и до открытия нового заведения оставались считанные дни.

Линь Юй отвел взгляд, не став ломать над этим голову.

В прошлой жизни он помнил, что то заведение открыла женщина по имени Су Яньцин.

Он сам первым присмотрел это место для бизнеса, но глупо было ожидать, что никто не попытается урвать свой кусок пирога. Впрочем, Линь Юя это несколько не тревожило.

Концентрация общепита на одном пяточке пускай и обостряла соперничество, зато создавала эффект торгового союза — покупатель шел сюда целенаправленно, что шло на пользу всем.

Тем более спрос в промышленном районе всегда превышал предложение. Пусть каждый

зарабатывает так, как умеет.

В прежние годы его «Закусочная Хуэйминь» неизменно оставалась самой популярной забегаловкой в округе. Что уж говорить о дне сегодняшнем, когда за плечами Линь Юя стоял колоссальный опыт ведения дел в суровые годы рыночных реформ. Он ни на секунду не сомневался в своей победе.

Когда они с братом переступили порог «Закусочной Хуэйминь», заведение как раз наполнялось вечерними гостями. На кухне вовсю шло шкворчание и грохот посуды — дяде Суню было явно не до приветствий, да и официантка Хоу Сяохун крутилась белкой в колесе.

Щелкнув настольной лампой, Линь Юй усадил Линь Фаня за прилавок делать уроки, а сам скользнул на кухню. Ополоснув сочное яблоко, он протянул его притихшему братишке — перекусить перед ужином. Оставшийся гостинец из сада он разделил на три кучки: одну аккуратно пристроил на краю плиты возле вечно занятого дяди Суня, вторую всучил пробежавшей мимо Сяо Хун, а остаток припрятал у мешков с рисом.

— Как закончим, заберите домой, угостите своих, — небрежно бросил он, повязывая фартук.

Дядя Сунь удивленно зыркнул на него из-под нависших бровей, а Сяо Хун весело отозвалась: «Ой, спасибо, хозяин!»

Прежде Линь Юй славился крайней прижимистостью. Любое лакомство он берег исключительно для брата, довольствуясь жалкими крохами и никогда ни с кем не делясь. Тогда им руководил юношеский эгоизм, да и голодное, нищее сиротство диктовало свои правила — каждую копейку приходилось делить надвое, чтобы просто не протянуть ноги.

Но теперь его отношение к жизни в корне переменялось. Дело было даже не в банальном желании укрепить авторитет рачительного хозяина. В той, прошлой жизни из-за несчастья с закуской безвинные дядя Сунь и Сяо Хун провели несколько кошмарных дней в камере предварительного заключения. Старик после этого так и не сумел устроиться поваром — репутация была безнадежно испорчена. Память об этом долге жгла Линь Юю душу, и он твердо вознамерился обойтись с ними по-человечески.

К тому же годы сытой, роскошной жизни на вершине успеха успели пресытить его.

Деликатесы хороши лишь изредка, а на каждый день человеку милее простая домашняя стряпня. Линь Юй сполна удовлетворил все свои былые аппетиты и больше не гнался за роскошью ради роскоши.

Да и сколько нужно маленькому Линь Фаню, чтобы наестся?

Зал крохотной закуской быстро заполнился до отказа. На кухне оглушительно зашкворчало

масло в воках, полетели искры. Линь Юй и Сяо Хун заметались между столами, крутясь волчком.

Дяде Суню перевалило за пятьдесят. Обычно он отличался покладистым и добродушным нравом, но стоило ему взяться за обжарку острого перца, как кухню сотрясал яростный кашель, перемежаемый отборной руганью в адрес неба, земли и всех предков до десятого колена. Но как только блюдо ложилось на тарелку, повар тут же вновь превращался в милейшего старика.

Зная эту его слабость, Линь Юй всегда сам брался за мытье и нарезку жгучих стручков. Вот и сейчас, когда пришел заказ на свинину с острым перцем, он мимоходом бросил повару:

— Дядя Сунь, у вас ведь бронхи слабые. Я на кухне тоже кое-что умею, так что давайте всю острую стряпню я возьму на себя.

Дядя Сунь скосил глаза на торчащий из кармана надкусанный бок яблока, обернулся к юноше и долго молча жевал губами. Наконец, решившись, он негромко заговорил о том, что точило его уже не первый день:

— Парень ты толковый, так что скажу тебе напрямик. Твоя старшая тетка ко мне уже несколько раз подкатывала. Звала к себе стряпать, сулила золотые горы и прибавку к жалованью. Только я отказал. Гнилая она баба, нет ей веры.

Линь Юй на секунду остолбенел. Сунь Фулу же многозначительно кивнул подбородком в сторону стены, за которой высилась соседняя пристройка:

— Соседний кабак-то на деньги твоей тетки строится. А эта Су Яньцин — так, ширма, просто делами управляет по ее указке.

Об этом Линь Юй в прошлой жизни даже не догадывался. Вскоре после краха своего заведения он спешно покинул родные края и почти не возвращался назад.

Оказывается, старшая тетка уже тогда вовсю вынашивала планы открыть собственное дело и исподтишка пыталась переманить его повара. Стало быть, и ее недавний визит с криками да подозрениями, будто покойная бабушка тайно оставила племяннику крупную сумму, преследовал куда более коварные цели.

— Спасибо, дядя Сунь. Буду знать, — Линь Юй на мгновение задумался, а затем заговорил мягким, деловым тоном: — Знаете, я как раз хотел обсудить с вами и Сяо Хун одно нововведение. Думаю перевести вас на новую систему оплаты: оклад плюс процент от выручки. То есть базовое жалованье останется прежним, но к нему каждый месяц будет капать доля от чистой прибыли за вычетом всех расходов. Вы у нас главный человек на кухне, без вас дела не будет, так что вам я предлагаю один процент от чистой прибыли, а Сяо Хун — три десятых процента. Как вам такое предложение?

Повар от неожиданности чуть не выронил половник.

— Это еще что за диковина? Процент? Сколько лет у плиты стою, ни один хозяин мне такого не предлагал. Коли из своего кармана доплачивать собрался — кто ж откажется? Конечно, ладно!

Линь Юй весело рассмеялся:

— Вот и отлично, договорились.

Когда наплыв гостей спал, Линь Юй растолковал новые правила Сяо Хун. Девушка долго соображала, что это за «проценты» такие, но когда до нее наконец дошло, она, невзирая на то что доля дяди Суня была ощутимо больше ее собственной, радостно захлопала в ладоши.

Ближе к закрытию, когда зал опустел, пришло время и им самим садиться за ужин.

Маленького Линь Фаня накормили пораньше — детей морить голодом нельзя — ароматными паровыми баоцзы со свиной и дикой пастушьей сумкой да яичницей с помидорами. Для остальных Линь Юй на скорую руку сотворил хрустящую кисло-острую картофельную соломку и наваристую тушеную свинину с пекинской капустой и стеклянной лапшой. Все это они дружно умяли с пышущими жаром, пышными пшеничными пампушками.

Наваристый бульон на крупных свиных мослах вышел на славу — густой и духовитый. Миски опустошили подчистую, даже притихший Линь Фань утащил еще кусочек.

Когда со всеми делами и уборкой было покончено, часы показывали начало десятого. Проводив дядю Суня и Сяо Хун, Линь Юй устало прислонился к косяку. Линь Фань устроился на полу в углу и увлеченно щелкал разноцветными стеклянными шариками.

Стоя посреди полутемного зала, Линь Юй окинул взглядом свои скромные владения. Весь этот суматошный день казался ему зыбким сновидением. Ломота в суставах и тяжесть в плечах не угнетали — напротив, именно эта физическая усталость дарила ни с чем не сравнимое ощущение реальности происходящего.

Он действительно вернулся.

В мыслях он унесся на двадцать лет вперед, перебирая вехи своей прошлой, безвозвратно стертой судьбы. Тогда, потеряв младшего брата, Линь Юй продал старое родительское гнездо и подался на заработки в город Хунъян. Кем он только не был: таскал мешки в порту, дежурил сторожем, торговал зеленью на рынке, перепродавал дешевую одежду и модные тогда пейджеры. Скопив мало-мальские гроши, он без раздумий отдал их на лечение второй тетушки, у которой обнаружили рак. Увы, деньги не помогли — болезнь забрала ее, а следом за ней ушли в могилу второй дядя и названный брат Цзяньцзюнь. Перед смертью дядя отписал свое скромное жилье ему. Линь Юй продал и те стены — именно эта сумма легла в основу его

первого серьезного дела.

Получив расчет, он не стал оседать в городе Хунъян — захолустный провинциальный городишко задыхался без перспектив, там негде было развернуться крупному бизнесу. Путь его лежал напрямиком в столицу.

Огромный мегаполис встретил его бурлящим океаном возможностей. То суровое время парадоксальным образом оказалось самым счастливым в его жизни. Да, приходилось выживать в нечеловеческих условиях: он ютился в полуподвальной каморке, где по стенам ползали полчища прусаков, а из забитой канализации регулярно хлестала зловонная жижа. Нищие жильцы бесконечно грызлись из-за ложки соли на общей кухне или незакрытого крана в уборной, доходя порой до кровавых драк. И все же Линь Юй горел этим безумным ритмом. Он чувствовал себя на своем месте — его деятельная, цепкая натура идеально вписывалась как в сияющий фасад столицы, так и в ее грязную изнанку.

Вскоре на окраине одной из пригородных деревень он открыл свой первый крошечный интернет-салон. Через два года его заведение перебралось поближе к центру, в пределы Третьего кольца. Еще через год он развернул целую точку у стен крупного университета, а по соседству пристроил скромную гостиницу. В ту эпоху, когда всемирная паутина только начинала опутывать страну, Линь Юй оседлал волну прогресса и сорвал колоссальный куш.

Шли годы, персональные компьютеры замелькали в каждой квартире, и доходность салонов поползла вниз. Линь Юй, не мешкая, распродал все точки вместе с гостиничным бизнесом. Его чуткий нос уже уловил новый, еще более прибыльный ветер.

На исходе девяностых старенькие пейджеры окончательно ушли в прошлое, вытесненные сотовой связью. Мобильные телефоны и первые цифровые камеры стали пределом мечтаний для молодежи, а просторы интернета постепенно превращались в полноценную торговую площадку.

Линь Юй вовремя открыл павильон цифровой техники на Третьем кольце. Масштабы были скромными, но оборот поражал воображение. Секрет крылся в том, что основную ставку он сделал на виртуальные витрины — его цены были в разы ниже, чем в обычных универсамах. А чтобы развеять сомнения покупателей в подлинности товара, он пошел на беспрецедентный для того времени шаг: ввел железное правило безусловного возврата в течение семи дней. Бизнес рос как на дрожжах. К началу двухтысячных, когда интернет-торговля превратилась в поле жестокой битвы гигантов, тридцатилетний Линь Юй выгодно сбыв окрепший онлайн-ресурс, свернул розницу и с огромным капиталом на руках ушел в тень, примерив на себя роль венчурного инвестора.

Безупречное чутье и мертвая хватка позволили ему провести несколько блестящих сделок. К сорока годам имя Линь Юя гремело среди воротил финансового рынка, его почитали как одного из титанов инвестиционного бизнеса.

Но плата за успех оказалась непомерной. Его мучила жесточайшая бессонница, здоровье

стремительно катилось под откос, а алкоголь лился рекой, заглушая звенящую пустоту внутри. Он разучился радоваться мелочам. Точка в этой безумной гонке была поставлена сразу после его сорокового юбилея — внезапная остановка сердца в салоне авиалайнера швырнула его обратно, в полузабытые девятнадцать лет.

Линь Юй стоял посреди своей скромной закуской, а перед глазами проносились картины былого величия. Богатство, власть, признание — он испил эту чашу до дна, но нашел там лишь горькую пыль одиночества. Теперь же перед ним лежала чистая страница. Он снова молод, и судьба дает ему шанс переписать сценарий с чистого листа.

Первым делом — отстоять право на это заведение и вылечить младшего брата.

Но этого мало. Ему больше не нужны горы золота, однако он обязан уберечь от безвременной кончины семью второй тетушки. Они должны жить — и жить хорошо. Да и верным дяде Суню со Сяо Хун тоже пора вытащить счастливый билет.

С одной лишь крохотной забегаловкой таких высот не взять.

Линь Юй уставился в темное окно, напряженно размышляя. Ему предстояло разыграть те немногие карты, что были у него на руках, и обеспечить себе идеальный дебют.

Днем заезжие работяги обмолвились, что завтра в районной администрации намечается крупный инвестиционный форум. Прибудут важные шишки из муниципалитета, а также сонм местных и приезжих дельцов.

Еще засветло он предупредил дядю Суня и Сяо Хун, что завтра им придется покрутиться без него — сам он твердо решил навеститься на этот форум.

Нынешний куций капитал не позволял ввязаться в крупную игру, но прощупать почву, разузнать о льготах для предпринимателей и оценить общие настроения рынка было просто необходимо.

К тому же... — взгляд Линь Юя потемнел. В рукаве у него прятался еще один козырь.

Правда, этот козырь напрямую вел к человеку, с которым Линь Юй зарекался иметь хоть какие-то дела.

И пускай старые обиды никуда не делись, за долгие годы его отношение к прошлому изрядно изменилось. Время поджигало. Ради спасения близких Линь Юй был готов переступить через собственную гордость. Раз уж подвернулась такая карта — грех ее не разыграть.

«Надо будет на днях заглянуть в администрацию района».

Дорога до дома Сяо Хун лежала через неосвященные, пустынные пустыри. Девчушке едва исполнилось восемнадцать, а работа в «Закусочной Хуэйминь» затягивалась допоздна, поэтому дядя Сунь каждый вечер великодушно вызывался провожать ее.

Прижимая к груди пакет с румяными яблоками, Сяо Хун без умолку трещала на ходу. Она то и дело заводила речь о молодом хозяине — мол, изменился он как-то, только вот в какую сторону, не разобрать. Впрочем, перемены эти ей определенно нравились.

— Дядя Сунь, а помнишь, кассир Сюй с насосного завода сказывал, будто директор Ян хочет нашему хозяину невесту сосватать? Что-то заглохло все. Может, мне ненароком расспросить Сюя при встрече?

Старый повар, доселе шедший молча, неодобрительно качнул головой:

— Не нашего ума это дело. Хозяин сам разберется. Наша забота — чтобы лапша не подгорала да гости довольными уходили.

Сяо Хун виновато прикусила язык и больше не проронила ни слова.

Распрощавшись с помощницей у ее калитки, Сунь Фулу сошел на остановке и направился к покосившемуся ларьку у обочины, чтобы прикупить махорки.

Возле тротуара дремала приметная черная легковушка. Прислонившись к капоту, лениво пускал колечки дыма угреватый паренек. Заметив повара, он весело оскалился и помахал сигаретой:

— О, дядя Сунь! Подгребай, перекурим это дело!

От бесплатного угощения старик отказываться не стал. Подойдя неторопливой, шаркающей походкой, он принял сигарету. Ян Ли расторопно чиркнул спичкой. Старик глубоко затянулся, с удовольствием присев на корточки прямо у колеса.

Ян Ли устроился рядом. Широкий кузов надежно защищал их от пронизывающего ночного ветра, позволяя всласть насладиться минутой тишины.

Парень, будучи натурой общительной, тут же принялся изливать душу:

— Ну и завертелось же все в эти дни! С баранки не слезаю, поясницу ломит так, что хоть волком вой.

Дядя Сунь выпустил сизую струю дыма, сощурившись на темные окна жилой многоэтажки напротив:

— Грех тебе жаловаться, паря. На твое место в шоферы очередь из сотен стоит. Радуйся, что пригрели.

Ян Ли хмыкнул и поерзал, устраиваясь поудобнее:

— Да знаю я, знаю... Хотя мы с дядькой и грыземся вечно, он мне зла не желает. — Он сделал очередную затяжку. — Завтра этот чертов форум инвестиционный начнется, мы под это дело администрацию района возим. Вот отбарабаню завтра, а там стребую с дядьки пару дней отгула — отосплюсь хоть за всю неделю.

Услышав про форум, повар едва заметно вскинул брови. На губах его застыл какой-то вопрос, но старик лишь молча зажал зубами бычок, решив придержать язык.

— Тьфу ты, пропасть! Чуть не забыл, — Ян Ли досадно сплюнул. — Хрен мне, а не выходные. Тот столичный инвестор, босс Хань, все еще в наших краях околачивается. Шофер его личный где-то задерживается, так что дядька наверняка опять припряжет меня у него на побегушках служить.

Сунь Фулу слушал вполуха. Ян Ли и не ждал сочувствия — парню просто требовалось выговориться, вылить накопившуюся желчь, чтобы с утра со спокойной душой снова крутить баранку.

Затекшие суставы отозвались тупой болью. Старик поднялся на ноги, разминая поясницу, и случайно задел стоявший у ног пластиковый пакет. Круглые плоды с тихим шорохом покатались по дну.

Едва заметный взмах крыльев бабочки способен пустить ход истории по совершенно иному руслу.

Простой и копеечный жест Линь Юя, решившего угостить своих работников садовыми яблоками, запустил цепную реакцию, о масштабах которой сам он даже не подозревал. Судьба начала незримо менять свой узор.

Сунь Фулу скользнул взглядом по пакету. На его изрезанном морщинами лице отразилась недолгая борьба. Поколебавшись, он все же спросил:

— Послушай, паря... Твой дядька вроде как собирался Линь Юю пару подыскать? Что-то ни слуху ни духу об этом.

Вообще-то старый повар никогда не отличался любопытством. Просто он больше десяти лет

прожил по соседству с семьей Линь и прекрасно знал этих сирот.

Он искренне сочувствовал несчастным братьям, но, заваленный собственными тяготами, предпочитал не лезть в чужие дела.

Однако сегодняшнее отношение Линь Юя тронуло его до глубины души. Да еще эти проценты от прибыли... Ни один хозяин сроду так не расщедрился.

Старик рассудил просто: добро нужно помнить и платить за него тем же.

Раз уж сам директор Ян вызвался сватом, то и кандидат должен быть человеком надежным, солидным.

«В таких делах излишняя прыть только вредит, — рассудил старик. — Ежели столичный господин почует, что парень сам на шею вешается, Линь Юй наверняка останется в дураках».

Ян Ли так и подпрыгнул на месте — эта тема давно чесалась у него на языке. Он уже открыл было рот, чтобы вывалить историю о том, как они подглядывали за пареньком у ворот Первой районной начальной школы, но вовремя вспомнил строжайший наказ дяди держать язык за зубами касательно столичного гостя. Сникнув, он неопределенно буркнул:

— Да ну... Закрутились мы, не до того сейчас.

Парень и сам сомневался, выгорит ли дело. По физиономии босса Ханя хрен поймешь, что у него на уме: держится холодно, надменно, но вроде как и не против вовсе, только ворчит, что малец еще слишком юн.

Ян Ли этого искренне не понимал. Разве молодость — порок? Да любой бы за счастье счел заполучить себе такого юного и пригожего партнера!

Сгорая от любопытства, он подался вперед:

— А откуда Линь Юй прознал? И чего говорит?

Дядя Сунь шумно затыкнулся:

— Долетели слухи. А так — помалкивает.

Поскольку ни один из них не владел подробностями, разговор сам собой угас.

Докурив до фильтра, повар поднялся на ноги и отряхнул штаны:

— Ладно, пора спать. Завтра нужно пораньше на кухню явиться. Наш малый хозяин собрался на какой-то там прием, так что мне одному придется крутиться с заготовками.

Ян Ли удивленно вскинул брови:

— Прием? Какой еще прием? Уж не тот ли самый инвестиционный форум, про который я только что толковал?

Район Хунци хоть и разросся, но подобные сборища всегда устраивались либо властями, либо крупными заводами. В таких делах его дядька Ян Гочжи неизменно принимал участие, так что мимо ушей водителя ничего пройти не могло.

Дядя Сунь наморщил лоб, припоминая:

— Кажись, он самый.

Ян Ли с размаху хлопнул себя по колену, а его глаза лихорадочно блеснули:

— Да быть не может! На этом же форуме как раз и будет тот самый столичный жених! — Он заговорщически подмигнул старику. — Неужто малец прознал, кто он такой, и решил под шумок прийти поглазеть на суженого?

На изрезанном глубокими морщинами лице повара отразилось сомнение. Тот форум — собрание для важных персон вроде директора Яна. Какого черта простому хозяину мелкой забегаловки делать в столь высоком собрании?

А значит, безумная догадка шофера вполне могла оказаться правдой.

И все же, помолчав, Сунь Фулу строго осадил парня:

— Не мели чепухи. У хозяина там наверняка свои дела.

Ян Ли лишь ухмыльнулся, замахав руками:

— Да ладно вам, дядя Сунь, я ж просто так. Мало ли какие дела у человека.

На следующее утро Ян Ли вез дядю и столичного гостя к зданию районной администрации. Господин Хань вновь предстал во всем великолепии: элегантный костюм-тройка, безупречное пальто... На первый взгляд наряд казался прежним, но наметанный глаз водителя сразу подметил иной оттенок ткани и тончайшую отделку. Опять с иголки вырядился.

«Ишь, столичный щеголь, — мысленно причмокнул Ян Ли. — Сразу видно птицу высокого полета».

Парень то и дело косился в зеркало заднего вида. Даже вечно погруженный в свои думы Ян Гочжи приметил эти маневры и едва сдержался, чтобы не выдать племяннику хорошего подзатыльника.

В присутствии важного столичного гостя директор Ян инстинктивно пытался держать марку и выражаться благопристойно, но проучить нерадивого родственника следовало обязательно, дабы не позориться перед чужими людьми. На первом же светофоре он ощутимо хлопнул ладонью по спинке водительского сиденья:

— Ты чего так вертишься? Бельмо на глазу вскочило?

Ян Ли, у которого секрет буквально прожигал дыру в груди, выпалил без обиняков:

— Дядь, я тут вчера вечером с поваром из «Закусочной Хуэйминь» перетер. Короче, они там уже всю судачат, что ты собрался Линь Юя сосватать.

Ян Гочжи поперхнулся от неожиданности. Прежде чем ответить, он осторожно скосил глаза на соседа, который с невозмутимым видом листал лежащие на коленях бумаги.

Хань Дуншэн уже один раз твердо отклонил это предложение. Директор Ян надеялся со временем вернуться к уговорам, но за ворохом дел так и не нашел подходящего момента.

И вот теперь, когда согласия от завидного жениха еще не получено, объект сватовства уже обо всем прознал. Директор Ян почувствовал себя крайне неловко от собственной нерасторопности.

Напустив на себя строгий вид, он хмуро поинтересовался у племянника:

— И что же... как парень-то отреагировал?

Ян Ли вновь бросил взгляд в зеркало. Хань Дуншэн наконец оторвался от чтения и поднял глаза — холодные, пронизательные. Встретившись с ним взглядом, парень расплылся в подобострастной улыбке:

— Да как сказать... Так загорелся, что прямо удержу нет! Сказал, что сегодня непременно проберется на форум, дабы лично, хоть одним глазком, на босса Ханя поглядеть!

Услышав это, Хань Дуншэн едва заметно прищурился. На его безупречном, мужественном лице на мгновение проступило редкое удивление.

Довольный произведенным эффектом, Ян Ли весело замурлыкал под нос какую-то песенку из радиоприемника, мысленно похвалив себя за сообразительность.

Ян Гочжи выдавил на редкость натянутую улыбку и повернулся к инвестору:

— Ха-ха... Ну надо же... Молодежь у нас в Хунци, сам видишь, пробивная да горячая!

<http://bllate.org/book/20105/1993546>